

Карла
Торрентс

ТЫКВЕННЫЙ
латте
ДЛЯ НЕПРИКАЯННЫХ ДУШ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44
Т61

Carla Torrents

LATTE DE CALABAZA PARA ALMAS SIN RUMBO

© Carla Torrents, 2025

Перевод с испанского *Иты Куралесиной*

Художественное оформление и иллюстрации *Анны Кроник*

В оформлении использованы иллюстрации:

© Elena Skugar, Oksana Hrytsiuk, evalinavectordesigns, craftlove /
Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Торрентс, Карла.

Т61 Тыквенный латте для неприкаянных душ / Карла Торрентс ; [перевод с испанского И. Куралесиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 368 с.

ISBN 978-5-04-226253-1

Джимбо и Памьелина, названные брат и сестра, сбегают из опустыленного города Тантервилля к океану, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Джимбо — отличный рыбак и художник, Пам — обожает готовить. В деревне на берегу они находят заброшенный дом и открывают таверну, как давно мечтала Пам.

Но у каждого дома есть своя история, тайны и прошлые владельцы... Неужто в жизни Пам появится не только вкусный кофе, но и сладкая любовь?

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-226253-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Моему отцу,
от которого я унаследовала
страсть к творчеству.
Аласси,
моей подруге и блистательному образцу
для подражания.
И Арнау, бесстрашному;
Джимбо для моей Пам.

Пролог

Рассказывают иные путешественники, что на негостеприимных утесах, отделяющих поля от океана, есть проклятое место, странная деревня, где царят тишина и одиночество.

Многие видели ее издалека, но говорят, что те любопытные, чьи нервы выдержат погружение в ее тень, не находят выхода, ибо все в конце концов теряют рассудок.

Между камнями, из которых сложены дома, и в трещинах брошенной мебели обитает жестокий дух, существо бесконтрольное и безумное, играющее с разумом чужаков, завлекающее их в лабиринты смятения, погружающее в колдовцы, где захлебывается здравый смысл.

Те, кому удастся вернуться, отличаются отсутствующими взглядами, бессвязными речами и фразами без смысла.

Они возвращаются — ни улыбки, ни слез, ни страха, без тоски, без надежды; превратившиеся в застывшие во времени души, плененные собственными воспоминаниями.

Всякий, кто ступит в деревню, никогда не сможет бежать из нее, сколько бы ни уходил. Полумрак будет преследовать пришельцев повсюду, куда бы они ни направились, как невидимый шрам, и в итоге одурманит их воспоминаниями,

бросающими вызов мирскому разуму и искажающими реальность.

Когда менестрели пересказывают эти легенды, все слушатели задают один и тот же вопрос:

«Если такова цена простого любопытства, кто же согласится заплатить ее?»

I

Где умирают сны

1

Воровка Пам

Воровство стало одним из немногих занятий, позволяющих ей давать волю творческой натуре. К тому же у нее это выходило блестяще. А еще это занятие ей нравилось, поскольку скрашивало тоскливую рутину. Дар оборотня позволял ей превращать человеческие ноги в оленьи копыта, что помогало этой небольшой нелегальной слабости. Единственной помехой был цокающий звук копыт при прыжке или приземлении, но она научилась смягчать его мешочками из ткани, набитыми сухой травой, которые надевала вместо обуви.

Стояло очень холодное осеннее утро.

«Чудесно, — подумала фавна. — Все спят».

Утренние прогулки по роскошным особнякам знати стали частью ее повседневной жизни, как вечерние ритуалы красоты или курение трубки в компании Джимбо перед сном.

— Чтобы спалось крепче, — говорила она.

То, что девушка называла «искусством воровства», было частью ее сущности, и это тайное занятие давалось ей так же естественно, как зевота. Настолько, что, предупреди кто-нибудь ее о том, что вскоре ей придется метаться как курица без головы, спасаясь от толпы жестоких стражников, Пам расхохоталась бы.

Но до этого еще оставалась пара налетов.

В последние месяцы она украдкой наблюдала за целями и заметила любопытную привычку, свойственную многим мужчинам: набивать карманы вещами.

Интересно было то, что среди мятых чеков, платков, пропитанных потом, оторванных перламутровых пуговиц и пыли попадались и внушительные суммы денег. А именно — монеты, золотые монеты. Каждая такая равнялась ста диниям — месячному заработку Пам. Знатные господа обычно оставляли эти монеты в брюках или на прикроватных тумбочках, когда шли спать.

Добаться до них незамеченной не составляло для нее большого труда.

Пам скользнула по крыше, покрытой влажным плющом — просто еще одна капля воды. Быстрым бесшумным прыжком она приземлилась на балкон из белого камня, миновала изысканный столик из кованого железа и подошла к стеклянной двери в спальню.

Выждала несколько секунд, пока глаза не привыкнут к полумраку.

Прислушалась, улыбнулась.

Храп был блестящим союзником, помогающим ее вылазкам оставаться незамеченными. Пам взяла в руку простенький складной нож, который до этого крепко держала в зубах, и поковырялась в замке, пока ручка не поддавалась. Это не заняло много времени.

В комнате обнаружилась огромная кровать под пологом, с алыми простынями, вся заваленная вышитыми подушками разных форм и размеров. В кровати лежал маленький пузатый старик, который храпел и улыбался, словно наслаждаясь мелодией. Но в этой пьесе звучали не скрипки и арфы, а хриплое дыхание артритного старичка и...

Пам подпрыгнула от непонятного грохота. Машинально огляделась.

Вытянула шею и разглядела под золотистым одеялом еще одного человека. Рядом с мужчиной спала худая, сморщенная, похожая на мышь старушка. Седые волосы были собра-

ны в пучок, а кукольное личико хранило следы былой волшебной красоты.

Молодая воровка с изумлением рассматривала старушку. Она не могла понять, как из столь хрупкого тельца исходят такие буйные звуки, соперничающие с ревом болотного ога — свирепого чудовища из детских сказок.

Пользуясь «ночным концертом» этой почтенной пары, Пам распахнула сумку и сыпала в нее все золотые монеты с тумбочки доброго господина, лежащие рядом с портсигаром из кожи и металла. Затем подошла к деревянному манекену у камина и вывернула карманы висящих на нем брюк.

Перед уходом она решила проверить тумбочку дамы. Там нашлись броши и шпильки с драгоценными камнями, но их всегда было непросто продать. А вот черный жемчуг около подноса с духами, напротив, можно было без проблем кому-нибудь всучить и выручить пару лишних диний.

Что-то блеснуло, привлекая внимание Пам, и она взглянула на спящих. Блеск исходил от сцепленных рук стариков, точнее — от круглых сапфиров в их обручальных кольцах. Пам наморщилась, как всегда, когда размышляла.

«Сниму их — проснутся. Проснутся — помрут от страха», — опасалась она.

На миг ей привиделись измученные души супругов, являющиеся ей по ночам с пустыми глазницами и червями в щеках, вопрошающие хриплыми голосами, как она посмела отнять дарованную им жизнь.

«Ой, нет», — мотнула она головой.

Ее пробрал странный холодок, и кожа на загривке встала дыбом — так ее тело реагировало, когда суеверие брало верх.

«Еще и не продашь потом», — сказала она себе для верности.

Незаметно для себя она на миг залюбовалась стариками, столь разными и в то же время похожими, держащимися за руки, словно подростки, только открывшие любовь.

Они вызвали у нее умиление.

«Ладно, сегодня начало в восемь, — напомнила она себе, переводя взгляд на туалетный столик. — Осталось три дома — времени с лихвой».

Она сунула черный жемчуг в сумку и вышла из комнаты, не утруждая себя соблюдением тишины, которую и так нарушали обитатели этого жилища.

Дверь на балкон она, впрочем, закрыла с особым тщанием. «Чтоб старички не простудились».

Она с некоторой спешкой прыгала по крышам знати: солнце робко показывалось из-за горизонта, и первые лучи вскоре могли стать угрозой.

«Не дай себя увидеть, — твердила себе Пам. — Увидят — пиши пропало».

Она уселась на крыше самого величественного особняка в Тантервилле и обдумала варианты.

«Туда», — быстро решила она, кивнув на изящную башню голубого оттенка в центре.

«Герцогиня Сильбенния Мирден овдовела пару дней назад, — вспомнила она. — Недолго горевала лучшая клиентка Джимбо».

Она усмехнулась.

«Может, ее порок нас когда-нибудь озолотит».

Усадьба почтенной сеньоры Мирден кипела жизнью, там было так шумно, что Пам издали различала разные голоса и инструменты.

Она тихонько прыгала с черепицы на черепицу, с трубы на трубу, не упуская случая погладить встречных котов.

«Начало в восемь, — повторяла она, утопая пальцами в мягкой шерсти своих кошачьих коллег, — так что глупые нежности с ночными (ну, рассветными) дружочками тебя не задержат». Одни лизали ей костяшки пальцев в знак благодарности, другие мурлыкали в ответ на ласку девушки, а большинство просто продолжало свой вольный путь, насытившись вниманием.

Добравшись до усадьбы, она почувствовала странную изжогу, поднимающуюся по гортани и обжигающую нёбный язычок,

язык и десны. Тихонько сплюнула — полегчало. Видимо, что-то в ее последнем кулинарном эксперименте пошло не так.

«Надо лучше изучить специи и выяснить, какая хренова комбинация это вызывает», — подумала она, потирая живот.

«Ладно, хватит; за дело, Пам, — приказала себе она, мотая головой и почесывая рога, чтобы сбросить стресс. — Хватит отвлекаться на всякую фигню, дура. Заступаешь в восемь. А солнце вот-вот взойдет. Шевелись. Шевелись и сосредоточься».

Она подняла голову и осмотрела особняк вдовы.

Все подходы охранялись: двери, окна, сады, открытые приемные, цветочные лабиринты... Даже в потайных ходах, известных юной фавне, стояли грузные существа в металлических доспехах.

Обойти столько постов было почти невозможно, по крайней мере, без особых бомбочек Джимбо, которые Пам носила с собой. Кроме того, разглядев в окна суть праздника, она поняла, как действовать.

«Надо как-нибудь подобраться прямо лицом к лицу. Без этого не сработает».

С помощью веревок и других инструментов, которые Пам всегда носила с собой (на всякий случай), она соорудила целую паутину, на которой развесила вещи под юбкой.

Устроив все поудобнее, мысленно поаплодировала себе.

«Проще, чем яичница с луком».

Она ослабила шнуровку лифа, сунула руку внутрь и приподняла грудь. Добившись нужного эффекта, туго затянула узел, чтобы все осталось на месте.

«Вот так, вот так, — сказала она себе, разглядывая себя и смеясь, — как два яблочка прижались друг к другу. — Она сжала их руками. — Наливные, просто лопаются».

Она сорвала горсть красных ягод с куста и разжевала их, выжав густой яркий сок. Размазала его тыльной стороной руки по губам, чтобы они порозовели и напухли, будто она часами целовалась с возлюбленным.

«Готово».